

DOI: [10.14515/monitoring.2024.3.2542](https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542)

Т. Е. Даутова, Е. Ю. Рождественская

РЕПЕРТУАР БИОГРАФИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ ВETERANОВ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

Правильная ссылка на статью:

Даутова Т. Е., Рождественская Е. Ю. Репертуар биографических выборов ветеранов Афганской войны // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 3. С. 114—140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>.

For citation:

Dautova T. E., Rozhdestvenskaya E. Y. (2024) Repertoire of Biographical Choices of the Afghan War Veterans. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 114–140. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.3.2542>. (In Russ.)

Получено: 15.12.2023. Принято к публикации: 16.04.2024.

РЕПЕРТУАР БИОГРАФИЧЕСКИХ ВЫБОРОВ ВЕТЕРАНОВ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ

ДАУТОВА Татьяна Евгеньевна — аспирант школы по социологическим наукам, стажер-исследователь Центра социологии культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: te.dautova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9380-7505>

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов департамента социологии факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

Аннотация. В фокусе статьи — биографический репертуар выборов ветеранов Афганской войны, которые так или иначе меняли свои жизненные траектории под влиянием полученного опыта боевых действий. Военная социология, социология жизненного пути и биографии позволяют наметить ряд уместных концепций для изучения перехода к гражданскому миру, биографической неопределенности и (не)ресурсности жизненных выборов. Понятие выбора увязано с понятием агентности в контексте биографических переходов, маркирующих утрату прежних и обретение новых социальных идентичностей. Примененная типология агентности С. Хитлена и Г. Элдера в биографическом действии дает возможность значимо дифференцировать характеристики различных выборов в военной биографии.

REPERTOIRE OF BIOGRAPHICAL CHOICES OF THE AFGHAN WAR VETERANS

*Tatyana E. DAUTOVA*¹ — PhD student in Doctoral School of Sociology; Research Assistant, Centre for Cultural Sociology
E-MAIL: te.dautova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0001-9380-7505>

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Department of Social Institutions Analysis, Faculty of Social Sciences; Leading Researcher
E-MAIL: erozhdestvenskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the biographical repertoire of choices made by veterans of the Afghan War, who in one way or another changed their life trajectories under the influence of their combat experience. Military sociology, the sociology of life course and biography provide several relevant concepts for exploring the transition to civilian peace, biographical uncertainty, and the (un)resourcefulness of life choices. The notion of choice is linked to the notion of agency in the context of biographical transitions marking the loss of former and acquisition of new social identities. The typology of agency applied by Steven Hitlin and Glen Elder in biographical action makes it possible to differentiate the characteristics of various choices in military biography in a meaningful way.

Эмпирически исследование построено на 17 биографических нарративных интервью с ветеранами Афганской войны, проведенных в технике Ф. Шютце. Обнаружено, что биографические траектории ветеранов содержат как преемственность с накопленным до службы опытом, так и смену ожидаемых событий. Участие в войне как поворотный момент биографии отражается в нарративно донесенной переработке жизненного пути ветеранов. Варьирующаяся ресурсность ветеранов — как призывников, так и кадровых военных, — по-разному позволила им распорядиться своим опытом, чтобы обеспечить преемственность или «отремонтировать» биографические разрывы за счет осуществляемых выборов. Но есть и те ветераны, кому это не удалось в силу потерь, инвалидизации, непреодоленных биографических разрывов. Биографическая неопределенность вследствие опыта войны и транзитакратно осложняет поствоенную адаптацию комбатантов и превращает биографический переход в биографический выбор, для которого требуется больше агентности и вовлеченности в социальное действие.

Ключевые слова: выбор, биографическая неопределенность, ветеранская идентичность, ресоциализация, Афганская война

Благодарность. Исследование реализовано при поддержке факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность».

Empirically, the study bases on 17 biographical narrative interviews with veterans of the Afghan War, conducted in the technique of Fritz Schütze. It was found that the veterans' biographical trajectories contain both continuity with their pre-service experience and change of expected events. Participation in war as a turning point in biography is reflected in the narratively delivered reworking of veterans' life trajectories. The varying resourcefulness of veterans, both enlisted and career military, variously allowed them to manage their experiences to provide continuity or to "repair" biographical gaps through ongoing choices. However, some veterans have not been able to do so due to loss, disability, or unbridged biographical gaps. Biographical uncertainty due to the experience of war and transit makes post-war adaptation of combatants much more difficult and turns biographical transition into biographical choice, which requires more agency and involvement in social action.

Keywords: choice, biographical uncertainty, veteran identity, resocialization, Afghan war

Acknowledgments. This research is supported by the Faculty of Social Sciences, HSE University, within the framework of the project "Experience of local conflicts: processing, resocialization, disability".

Введение

Биографическая контекстуализация выбора требует соотнесения с той рамкой, которая совокупно обеспечивает аналитическую дискурсивизацию порождающего контекста — военной социологией и социологией жизненного пути, опыта и биографии, оперирующими понятиями выбора, ключевых моментов и переходов.

Война (военный конфликт, военная операция) — масштабный социологический феномен, связанный с отложенным пониманием событий и сопровождающих их социальных проблем, реконструкция и переосмысление которых происходят с течением времени [Malešević, 2010]. Но ветераны с их опытом переживания войны психологически и социально «остаются» в войне [MacLeish, 2013: 7], испытывая потребность в интеграции пережитого опыта в непрерывность их жизненной истории [Shay, 2002; Hynes, 1998; Shay, 1995].

Военная социология представляет собой социологическую субдисциплину, возникшую после Второй мировой войны, в основе которой работы С. Хантингтона и М. Яновица [Huntington, 1981; Janowitz, 1960]. Она фокусируется на фундаментальных исследованиях военно-гражданских отношений. Сегодня в ее ведении широкий круг вопросов: трансформация армии как социального института и военных организаций, военная культура и профессия военного [Haaland, 2008: 26—27], мотивация военного [Battistelli, 1997; Segal, Tiggie, 1997; Moskos, 1977], военная и ветеранская идентичность [Higate, 2003; Franke, 2000]. Однако, несмотря на появление большого количества исследований, многие из которых в силу ведомственности не знакомы широкой научной публике, военная социология явно не изобретает собственную методологию, скорее это диалог с идеями общей социологии (М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Г. Зиммель, Д. Аддамс, У.Э.Б. Дюбуа, И. Гоффман, М. Фуко, М. Яновиц, Н. Элиас, К. Ламмерс, А. Хохшилд, С. Энлоз, Д. Батлер и др.). В России военная социология развивается с дореволюционных времен (работы Н. Н. Головина, Н. А. Корфа, Н. П. Михневича, П. А. Сорокина и др.¹). Исследования проводились и в течение советского периода (В. К. Коноплев, А. П. Дмитриев, Н. И. Бородин, В. М. Чепуров и др.), постепенно приобретая ведомственно закрытый характер. Тем не менее с начала 1990-х годов военная социология «перестала быть прерогативой только социологов силовых структур» [Образцов, 1998: 104].

Одна из причин тому — более открытый со времен перестройки режим функционирования армии как социального института в обществе. Эта «приоткрытость» армии обществу корреспондирует с дебатами о подотчетности военных обществу и гражданском контроле над военными, что представлено классическими работами «Солдат и государство» [Huntington, 1981] и «Профессиональный солдат» [Janowitz, 1960]. Подзабытый сегодня М. Яновиц связывает военный профессионализм прежде всего с военной эффективностью, которую ограничивает гражданский контроль. Для автора сама возможность аполитичных военных — это иллюзия, поскольку военные активно участвуют в процессе поддержания на-

¹ См., например: Корф Н. А. Общее введение в стратегию, понимаемую в широком смысле. (Этюды военных наук). СПб.: Тип. шт. Отд. корп. жандармов, 1897; Головин Н. Н. О социологическом изучении войны. Белград, 1937; Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне: в 2 т. Т. 1. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939; Михневич Н. П. Стратегия: в 2 кн. Кн. 1. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1899; Сорокин П. А. Причины войны и пути к миру. Пг.: Н. Н. Кабареников, 1917.

циональной безопасности [ibid.: 342]. С. Хантингтон, гораздо более популярный автор среди военных, выступал больше за автономию военных профессионалов, которые «проявляют качества опыта, ответственности и корпоративности в свободной от гражданского контроля сфере, поскольку профессиональный военный стремится дистанцироваться от политики» [Huntington, 1981: 84]. Современная же дискуссия [Nielsen, Liebert, 2021; Coletta, Crosbie, 2021] имеет итогом объединение идей обоих авторов в направлении общей концепции военной профессии с социальной ответственностью, которая поддерживает одновременно и автономию, и подчинение гражданской власти.

В этой статье мы ставим цель реконструировать контекстно специфичные выборы, осуществляемые в своей биографии военнослужащими с опытом участия в Афганской войне (1979—1989). Биография, маркированная участием в войне / локальном конфликте или военной операции, осложненная перестройкой, представляет собой особый объект социологического анализа, поскольку война *per se* и социально-экономический транзит привносят массу неопределенности в социальные траектории. Какие выборы стояли перед нашими респондентами, военнослужащими по призыву и профессионалами / кадровыми военными, в их биографиях, что общего и различного можно выделить в их способе ответить на вызовы социального времени?

Концептуальный подход: жизненный опыт военного и конструирование выбора в биографической неопределенности

Мы обращаемся к биографии как основному ресурсу. Под ней подразумевается рассказанная история жизни отдельного человека (или группы) как субъективное отражение динамики жизненного пути, включая пережитый опыт, планы на жизнь, ожидания, а также ретроспективную интерпретацию опыта. Биографическая перспектива выдвигает на первый план активность (*agency*) индивида, но также предполагает обращение к способам, которыми такая активность и мера свободы действий запоминаются, конструируются, интерпретируются и оцениваются самими биографантами, как она передается в нарративе другим. Внимание к переходам и выборам в военной биографии и стоящей за ней траектории весьма велико. Так, в исследовательской тематике широко представлен пограничный с социологией сюжет транзита от военной службы к гражданской и поиску трудоустройства [Dickstein et al., 2010; Hirsch, Mehay, 2003]. Большая часть исследований перехода от военного статуса к гражданскому выполнена во фрейме военных исследований (*military studies*) как концептуально и методологически синтетическом поле и требует смешанных подходов, построенных на понимании психологических, когнитивных, эмоциональных и поведенческих паттернов, а также на использовании статистических методов, чтобы выделить значимые предикторы этого процесса. Так, в научной литературе представлены многочисленные исследования рынка труда с учетом военного опыта соискателей [Angrist, 1998; Gade, Lakhani, Kimmel, 1991].

Целый корпус исследований сосредоточен на эффектах военной социализации в армии, как призывной, так и профессиональной, и необходимости адаптации после завершения службы или военной карьеры. По мере того как ветераны

уходят из армии / со службы с ее военной структурой и военной социализацией, они могут столкнуться с вопросом, как найти порядок и структуру в своей жизни посредством внешнего и внутреннего контроля. Им часто приходится переконфигурировать свои социальные сети, чтобы реализовать потребность в принадлежности, которую они обрели в армии, но изменили, поскольку покинули сплоченную группу, где могли иметь общую структурированную идентичность [Hart, Lancaster, 2019]. Если к опыту службы присоединяется опыт участия в войне, то значимым становится и поле коммеморативных практик — как резервуар разделяемых паттернов реагирования на вызовы социального времени, производства коллективных смыслов прошлых событий, взаимопомощи и т. д.

Из-за преобладающего внимания к психологическим последствиям участия в войнах большая часть современных исследований по ветеранам проводилась с точки зрения «войны как травмы» [Lomsky-Feder, Ben-Ari, 1999] и в рамках изучения социальной памяти (memory studies). Эту же тенденцию можно наблюдать и среди российских работ [Rozhdestvenskaya et al., 2016; Ушакин, 2009; Данилова, 2005 и др.]. Не отрицая, что служба в военное время часто бывает драматичной и травмирующей, нужно отметить, что это предположение отчасти является культурным продуктом изучения последствий Первой мировой войны [Malešević, 2010; Fussell, 1975]. Мы также придерживаемся позиции, что травму нельзя назначить, но посттравматический синдром нельзя проглядеть.

В поле военных исследований было обнаружено, что оценки различных проблем (например, безработицы, уровня психических заболеваний, не говоря об интерпретации военного опыта, меры личной ответственности, смысла военного труда) меняются со временем. Успех интеграции ветеранов с военным опытом на рынке труда и ресоциализации в целом зависит от эпохи, этничности, образования, возраста и т. д. Обсуждаются и социальные различия ветеранских моделей бывших комбатантов, например ВОВ и Афганской войны, с попыткой последних стать преемниками той роли, которую имели в советском/постсоветском обществе ветераны ВОВ. Так, в обзоре изменений в ветеранском законодательстве РФ Н. Данилова описывает постепенное развитие иерархической ранговой системы обеспечения ветеранов, которая отличалась в зависимости от войны и боевых действий. В этой системе одна группа ветеранов — Великой Отечественной войны — имела наиболее привилегированное положение как настоящие ветераны настоящей войны [Danilova, 2007]. Правда, эта констатация ограничена временем до начала СВО в Украине.

Это обстоятельство — изменение оценок событий со временем — существенно для нашего исследования, поскольку речь идет о нарративной реконструкции прошлых событий и выборов в военных «афганских» биографиях, носители которых застали неоднократное изменение идеологических оснований Афганской войны, переоценку ее значения на различных уровнях. Неудивительно, что и мы в исследовании столкнулись с этими интерпретативными сложностями, заставляющими рассказчиков реконструировать контексты «как это было тогда» и «как это менялось со временем». Связующим звеном в этой ситуации выступают меняющаяся идентичность рассказчика и нарративная установка от исследователя информанту рассказывать от первого лица о совершенных действиях, контекстах встречаемых выборов и принимаемых решениях с рефлексией об их последствиях.

Выбор в биографической неопределенности

Некоторые исследования идентичности бывших военных, где основное внимание уделяется ее содержанию, указывают на полезность категории жизненного опыта. Такие работы содержат оценку телесного и аффективного измерения военной идентичности [Hockey, 2002, 2009; Lande, 2007; Sasson-Levy, 2007; Higate, Cameron, 2006], совмещение этих идентичностей через дисциплинирующие практики военного образа жизни [Thornborrow, Brown, 2009], экспериментальное и нарративное измерение перехода от военной службы к гражданской жизни [Walker, 2010; Higate, 2001; Karner, 1998].

В центре — качественная исследовательская традиция, изучающая личный опыт как таковой. Аналитический акцент делается на опыте, воплощенном, вербализованном и проинтерпретированном теми, кто его пережил, и переданном через нарратив. Однако, чтобы понять, какое значение приобретает личный опыт комбатанта-ветерана, важно погрузить его в более широкий контекст биографии. Таким образом, документация пережитого опыта требует теоретического размышления о том, как свидетельства соотносятся с более широким контекстом интерпретации пройденного жизненного пути [Smith, Flower, Larkin, 2009: 21].

Для связей опыта и породившего его контекста необходим ряд понятий, упорядочивающих биографию и тематизирующих репертуар выборов. Классическая социология жизненного пути, продвигающая тему изменений в жизни, предлагает нам набор категорий, эти изменения описывающий: *траектории или пути* — как последовательности ситуаций, которые происходят в течение всей жизни; *переход* — как изменения в состоянии, которые происходят в короткие промежутки времени на протяжении всей биографической траектории; *поворотный момент* — как существенное изменение в направлении жизни, субъективной или объективной [Elder et al., 2004]. К этому набору В. Хайнц и Х. Крюгер добавляют *ресурсы* как набор различных, в том числе социальных, капиталов индивида; *возможности* как доступный репертуар вариантов, которые индивид перебирает, реализуя активный залог своей деятельности; *модели реализации* как практику эффективно осуществленных шагов [Heinz, Krüger, 2001]. Наконец, В. Хайнц формулирует понятие биографического выбора как способа реагирования на жизненные вызовы и использования открывающихся перед индивидами возможностей в структурно ограниченном поле действия [Heinz, 2001: 6].

В нашем исследовании биографических выборов в структуре ветеранского опыта афганцев мы отталкиваемся от понятия *биографической неопределенности*, заданной опытом войны и разрешаемой в серии жизненных поворотов и выборов. Если принять коррозию нормальности ожиданий как одну из основных причин неопределенности на биографическом уровне [Bonß, Zinn, 2005; Zinn, 2004], то участие в Афганской войне и последующая смена режима могут быть рассмотрены как генератор биографической неопределенности. Социально-политический и экономический транзит переопределил для наших респондентов социальные институты и привел к распаду прежних ожиданий. Неопределенность была принесена в переходы жизненного пути от этапа демобилизации к трудовой жизни в новом обществе по крайней мере на четырех уровнях, аналитически выделяемых в литературе: пути трудоустройства были диверсифицированы, институцио-

нальные принципы потеряли свой обязательный характер, смыслообразующие конструкции участия в войне были девальвированы, структура биографических ожиданий пострадала от обесценивания традиционных моделей нормальности жизни. Решения в повседневности были индивидуализированы, точки зрения дестандартизированы. В этом контексте мы увязываем системы новых выборов с понятием переходов как моментов биографических изменений, когда индивиды в определенных биографических, социальных и материальных ситуациях формируют ожидания на основе своего опыта и других форм доступных им знаний. Нормативно под переходами [van Genner, 1981] представляют «статусные переходы» между жизненными позициями, определяя тайминг и условия входа [Lecardi, 2005; Cieslik, Pollock 2002]. Биографии ветеранов Афганской войны представляют собой такие переходные образцы советско-постсоветского социума. В этом смысле их нарративы отражают динамические паттерны выборов не только через привитые диспозиции или репертуар альтернатив, но также и через наборы культурно-специфических практик выбора [Schwarz, 2017], способов выбора, встроенных в смысл, нормативность и материальность военной и гражданской повседневности.

Понятие выбора довольно близко соседствует в социологии жизненного пути с понятием активности, способности к действию, или агентности. Агентность подразумевает способность к долгосрочному планированию в биографии [Hitlin, Elder, 2007], она проявляется в моменты биографических переходов, маркирующих утрату прежних и обретение новых социальных идентичностей [Heinz, 2009; Evans, 2002]. В силу этого становится понятным, что далеко не каждый выбор судьбоносен. Вводя временные горизонты настоящего и будущего (а в биографическом рассказе появится и реконструируемое прошлое) С. Хитлен и Г. Элдер выделяют 1) общий тип экзистенциальной агентности, распространяемый на все временные горизонты и любые обстоятельства; 2) тип прагматической агентности в новых обстоятельствах, «острие ножа» настоящего момента, поворотный, судьбоносный момент, побуждающий к выбору; 3) тип идентификационной агентности, побуждающий к нормативно ориентированным действиям в рутинных ситуациях; 4) тип долгосрочной структуризации жизненного пути [Hitlin, Elder, 2007: 176]. Предложенная типология агентности в биографическом действии значимо дифференцирует характеристики различных выборов в биографии, для которых необходима определенная степень биографической компетенции как способности выбирать между альтернативами, в опоре на наличные ресурсы.

Наблюдаемое ядро биографической неопределенности состоит из нарратива о совершенном биографическом действии как протоколе последовательных выборов и проекции их следствий на обозримое будущее путем рационализируемой связи опыта с ожиданиями. Насколько можно доверять этой рационализации? Социологически мы должны отнестись к последующему ретроспективному припоминанию основных событий и совершенных выборов через призму последующего искажения, обусловленного обусловленного актуальной Я-концепцией. Методологическим решением для отслеживания этих искажений было обращение к нарративному глубинному интервью, позволяющему оперировать событийными структурами, соотнесенными с конкретными ситуациями их происхождения.

Для этого мы различаем темпоральную последовательность событий жизненного пути респондента из выборки ветеранов-афганцев и собственно нарратив о субъективно выделенных и описанных событиях жизни до, во время и после войны.

Дизайн исследования

В итоговую выборку вошли 17 интервью с ветеранами: кадровыми офицерами (5), солдатами срочной службы (11) и добровольцем. Преимущественно из Москвы, но также из ряда регионов². Рекрутинг в основном осуществлен через ветеранские организации (региональную общественную организацию «Общество инвалидов войны в Афганистане „Московский Дом солдатского сердца“», Патриотическое объединение инвалидов войны в Афганистане и воинов-интернационалистов «Панджшер», «Боевое братство»), через связи информантов и собственные знакомства. Основное поле собрано в Москве в силу доступности членов организаций и приезжающих ветеранов из регионов в «Московский Дом солдатского сердца» для протезирования. Часть информантов рекрутирована при посещении тематических музеев и организаций в Москве, на Урале и северо-западе страны. Часть информантов были найдены с помощью контактов уже опрошенных или тех, кто сам не захотел участвовать, но делился связями.

Важнейшим критерием отбора был факт задокументированного участия в Афганской войне, следующим критерием была представленность в выборке как младших и старших офицеров, профессиональных военных, так и солдат, сержантов, прапорщиков. Срок службы информантов составляет в среднем около двух лет, включая учебную подготовку до Афганистана, с исключениями из-за полученных ранений, задержек смены состава. По годам службы в выборку попали ветераны с разными периодами участия, от начала кампании до вывода войск. Все так или иначе были включены в военные действия, есть информанты из разных родов войск, в частности тогда засекреченные пограничники. Возраст информантов, служивших по призыву, — около 60 лет, офицеров — около 70 лет. Большинство информантов в выборке имеют инвалидность разной степени, прямо или косвенно связанную с опытом службы (список информантов приведен в Приложении).

Интервью с ветеранами Афганской войны были проведены с использованием техники биографического интервьюирования Ф. Шютце [Schuetze, 1983; Рождественская, 2012]. Интервью проходили в 2022—2023 гг. при личной встрече, один раз по видеосвязи, в некоторых случаях с присутствием двоих или даже троих интервьюеров — участников проекта (один ведущий и один-два дополняющих интервьюера). В среднем интервью длились около 2—2,5 часов. В качестве опоры служил гайд с тремя основными блоками: до службы (детство, родительская семья), служба (Афганистан) и после службы, — предполагающими фазы нарративного рассказа (когда информанту задается широкий вопрос про этот период жизни и представляется возможность самому рассказать историю) и нарративного расспрашивания (когда интервьюер уточняет различные детали по этому периоду). Интервью предварялись заполнением формализованной анкеты, в которой фиксировались социально-демографические характеристики, в частности опыт работы и образование.

² Центральная Россия, северо-запад, Урал, Сибирь, а также за пределами РФ — Узбекистан.

Исследование продолжается, и на данный момент авторам доступна большая коллекция интервью (порядка 30 интервью). Тем не менее мы полагаем, что используемые здесь 17 интервью информативны как одна из первых итераций анализа ввиду присутствия в выборке информантов с разным опытом.

Аналитически материал представлен по следующей схеме, продиктованной фокусом на контекстах упомянутой биографической неопределенности и предъявленных нарративно выборах. Они касались контекста выбора (не) служить в армии / (не) отправиться в Афганистан, чем заниматься после возвращения: (где) учиться, (где) работать, как (ре)конфигурировать личную жизнь, как перестроить свой поствоенный гражданский договор с социальными институтами, как (не) интегрироваться в коммеморативные сообщества комбатантов.

Эмпирическое исследование: структура биографических выборов бывших комбатантов Афганской войны

Выбирают ли службу в армии и отправку на войну?

По результатам интервью с отслужившими «афганцами» вопрос невыбора службы трансформируется в легитимирующие конструкции, например, маскулинности или укорененности паттерна службы в армии в социальной среде:

В наше время не пойти в армию — это считалось... чем-то таким, клеймом неполноценности. (Инф. 10, призыв)

И у этого фактически отсутствия выбора есть социальная подоплека. Социальное происхождение призывников — рабочие, сельские жители. Люди с высшим образованием не призывались на срочную службу (военные сборы) либо были профессиональными военными:

Семьи-то были все одинаковые, рабочие, у кого крестьяне... (Инф. 7, призыв)

Отправка на войну и для солдат срочной службы, и для кадровых военных часто, но не всегда, оказывается событием внешнего характера — это выбор, сделанный кем-то за самого служащего. В целом респонденты уточняют, что возможность отказаться была, но это не рассматривалась как реальная опция. Среди офицеров одни в принципе не называют альтернатив, другие дают понять, что отказ влек за собой санкции — социальные и материальные: порицание со стороны сослуживцев и подчиненных, карьерные трудности. В дополнение офицеры могут приводить и ряд аргументов в пользу командировки, тем самым, возможно, чуть больше присваивая выбор себе, а не обстоятельствам: например, готовность отправиться в Афганистан объясняется необходимостью, долгом или честью. В качестве мотивов отправиться на войну также могут называться скука, неудовлетворенность на нынешнем месте службы или начальством, а также желание нести более полезную службу — по сути, предельно военную.

Для срочников способы избежать отправки также были, но рассматривались как неадекватные, — вероятно, в силу нормализации армии. Некоторые объясняют свое принятие фатализмом. Укореняют в армии подготовительная служба

(в «учебке») и социализация: встраивание как в армейские институты (получение первых званий), так и в межличностные отношения («быть со своими» (инф. 12, призыв)), индивидуально-биографическая готовность к службе («часть судьбы» (инф. 13, призыв)), хотя это не отменяет и возможных переживаний, страха «до дрожи» (инф. 15, призыв).

Отправка в Афганистан некоторыми легитимируется ретроспективно, с позиции сегодняшнего дня. Возможно, в этом отчасти кроется попытка присвоения совершенного за служащего выбора или эффект пострефлексии, размышления спустя годы о последствиях участия в войне как попытка не обесценить тяжелый опыт, но найти в нем биографический ресурс: «если все вернуть назад, то я-то и не жалею даже» (инф. 6, призыв), «война меня сделала сильнее» (инф. 4, кадровый военный).

Но готовность к войне как установка вкуче с наработанными навыками и знаниями военного дела обнаруживала сложности в адаптации, согласовании с приобретаемой идентичностью военного в режиме боевых действий: «Физически точно были готовы, морально не скажу» (инф. 10, призыв).

Процессуально эта адаптация занимала время, социализируя новобранцев уже в режиме реальной военной операции:

После Второй мировой войны все было про войну забыто уже. Про Афганистан слышали, но всерьез не понимали, куда идем. Как уже туда прибыли, посмотрели, начали стрелять, уже тогда всерьез мы поняли, конечно. Сначала страшно было, и постепенно привыкли. (Инф. 9, призыв)

Вызовы, которые обнаруживаются в ходе упорядочивания и балансирования в структуре подразделения из-за отсутствия опыта, психологической неготовности к ответственности, несогласованности в идентичности, порождают необходимость выбора, провоцируют на проявление агентности внутри иерархической структуры:

Если он [командир] сопли жует, не умеет командовать, то приходится командовать уже сержантам. (Инф. 7, призыв).

В целом по выборке продукт адаптации (участие в боевых действиях как нормализованная мужская работа) элиминирует необходимость каких-либо выборов (кроме индивидуального выживания, запросов повседневности, проблем коммуникации с сослуживцами и пр.). Фрейм службы покрывает собой период, когда «думать не надо», выборы остались до и возникнут после:

И к этому относишься, как к нормальной мужской работе. Ты же не думаешь, что колонну сейчас расхреначит и ты погибнешь. Ты думаешь о том, что сейчас — пока туда съездим, обратно, две недели пройдет, и ты уже — «е-мое, полмесяца» — уже твой дембель скоро будет. (Инф. 7, призыв)

Это не задача была солдата... знать слишком много и делать выводы. Выжить, выполнить задачу, приказ — все. (Инф. 10, призыв)

Сняты выборы, и близка по смыслу позиция кадрового военного, которая также легитимирует необходимость не думать, а выполнять приказ:

Я могу ответить просто: если офицер будет задумываться или армия будет задумываться над отданным приказом, это будет не армия. (Инф. 2, кадровый военный)

Армия оказывается нормализованным этапом жизни, который встраивается в биографию без особой оглядки на прошлое или будущее, как этап, который необходимо пройти. Сама служба институционально, за счет уставного порядка избавляет от необходимости выбора, хотя и не абсолютно.

Во временном горизонте реконструируемого выбора перспектива служить в Афганистане впоследствии приобретает характер судьбоносного момента (было честью, сделало сильнее, достойный выбор, много дал...). Но этот прагматический тип вовлечения в действие, по Г. Элдери и С. Хитлену, похоже, не сильно связан с агентностью биографантов. На войну посылают, на службу призывают. Выбор и определенная мера агентности связаны здесь с согласием, неотклонением судьбоносного вызова. Но биографический рассказ дает картину постоценивания сложившихся обстоятельств пережитого опыта войны, в рамках которой происходят наделение смыслом и конструирование агентности. Последующее биографическое развитие будет удерживать афганский опыт как ключевой для идентичности биографантов и «работать» на усиление агентности уже в символическом плане.

Вернувшись с войны: императивы выбора

По возвращении с войны перед комбатантом встает вопрос, чем заниматься дальше, куда пойти работать и/или учиться. Не всегда выбор сопровождается нарративной легитимацией, но благодаря методическому решению предваряющая интервью анкета последовательно фиксирует сложившиеся образовательные и трудовые траектории. В результате анализа мы выделяем три сценария для солдат срочной службы (смена траектории, преемственная траектория, конвертация военного опыта в парамилитари) и отдельно рассмотрим траектории кадровых офицеров как продукт репертуара выборов.

Итак, начнем с рассмотрения траекторий солдат срочной и сверхсрочной (один доброволец) службы. Для солдат-срочников возвращение сопровождалось общими возможностями самореализации: льготы при поступлении, некоторые получили приглашение на службу в силовые структуры. В 1990-е годы открылись возможности уйти в коммерческую деятельность, в том числе в криминальные группировки. В контексте последних, в частности, сами ветераны отмечают ценность афганского опыта — умение обращаться с оружием и т. д. Также сыграли свою роль и частные ресурсы, такие как поддержка и помощь родственников, товарищей по оружию.

Смена траектории проявлялась в выборе в пользу другого образовательного и профессионального трека. Хотя у всех есть довоенный опыт — техническое образование и даже опыт работы или начатое высшее образование, по возвращении продолжить этот трек у некоторых респондентов не получилось. Смена траектории происходила по-разному.

Ветераны меняли жизненную траекторию, столкнувшись с физическими ограничениями из-за военного ранения: если для одних смена оказалась сопряжена с собственными решениями и усилиями (активный поиск будущей профессии, попытки поступления), то в другом случае это скорее следование рекомендации врачей. Для смены траектории задействовался в том числе эксклюзивный для ветеранов ресурс — льготы при поступлении в вузы.

Институционально обеспеченные шансы, призванные отчасти скомпенсировать отдаленный «интернациональный долг», использованы не всеми, но теми, кто был осведомлен о льготах и мотивирован на получение образования.

Ну так одно дело идти бесплатно учиться, и другое дело — хотеть учиться, желать учиться. (Инф. 6, призыв)

Частные ресурсы (условный социальный капитал) также задействовались для смены траектории. Так, один информант отмечает роль дяди, который готов был пристроить его к себе на работу с потенциалом зарубежных командировок. Информант поступил в соответствующий вуз, однако бросил его и изменил траекторию вновь — ушел в свободное творчество. Его собственные интересы взяли верх и увели в сторону как от первой попытки послевоенного устройства, так и от довоенных трудовых и образовательных практик.

Выбор иного трека после войны — тоже поле возможностей, это потенциал для мобильности, как восходящей, так и горизонтальной. Например, информант после войны планировал получить высшее образование, до войны ему легко давалась математика, он ориентировался на экономическое направление. Однако при подготовке он понял, что те довоенные знания уже утрачены, то есть война — пусть и с льготами на поступление — забрала прежние навыки и таким образом привела к смене гипотетически возможного трека с экономическим образованием. Вроде и получено высшее образование, но по другой специальности (юрист) — в контексте тех ограничений, которые наложило участие в боевых действиях.

В случае другого информанта война привела скорее к ломаной линии мобильности: он был вынужден отказаться от идеи получить высшее образование и заняться ручным неквалифицированным трудом, но впоследствии ушел в бизнес, продемонстрировав не прямой путь к социальному успеху.

Другой вариант смены деятельности: демобилизованный, потерявший ногу, возвращается на производство, где работал газосварщиком до призыва, но уже в должности методиста. Казалось бы, опыт войны привел к физическим ограничениям освоенной специальности, но достаточно быстро ветеран получил высшее образование, сменил род деятельности, используя образование для восходящей мобильности.

Для некоторых солдат срочной службы характерна стратегия *преимущества* — возвращение с войны сопровождалось возвращением к довоенной профессиональной занятости, хотя и с небольшими изменениями. Например, это могло быть возвращение в ту же сферу, но на другое предприятие, или рост в изначально выбранном направлении (переходя от строителя по найму к строительному бизнесу). В частности, такая траектория оказалась актуальна для добровольца, вернув-

шегося к своей довоенной работе, как бы восстановившего случившийся разрыв (хотя в дальнейшем, в том числе из-за последствий войны для здоровья, он ушел с производства и стал временно работать пастухом).

Альтернативными возможностями были силовые структуры, командировки в новые горячие точки. Однако их скорее опасались:

Я на тот момент уже в Азербайджане побывал, и что-то не хотелось мне ехать воевать. (Инф. 14, призыв)

В рамках иной траектории — *переход к парамилитари* — представлена попытка устроить жизнь после войны с опорой на освоенный военный опыт и накопленные на войне компетенции и навыки. Этот опыт конвертировался в работу в сфере охраны, в милиции, более общего физического труда (например, работу взрывником). Притом необязательно в статусе рядового исполнителя, а с возможностью карьерного роста — например, до позиции директора охранного предприятия. То есть восходящая мобильность реализовалась и в рамках этой траектории.

Некоторым респондентам опора на военный опыт кажется путем наименьшего сопротивления: «Пошел, устроился на работу взрывником, ну как-то, хоть что-то ближе к Афгану» (инф. 12, призыв). Для других же это осознанное решение, например, когда демобилизованный по собственному выбору получил духовное образование для военнослужащих.

В этой траектории выбора могло и не оказаться: рекрутирование в силовые структуры оборачивалось и разовыми командировками охранительного порядка, например, в Армению после землетрясения или в Нагорный Карабах. Также сыграли роль специфические условия 1990-х годов: двое опрошенных занимались сферой безопасности, один из информантов хотел уйти в криминал, но семья и личные недопонимания с бандитами его остановили.

Также эта траектория отражает вариант жизненного пути тех, кто после демобилизации поступил в вуз: один информант получил образование, но выбрал более материально выгодное направление (инкассацию, охрану), а другой получил образование в высшей школе милиции и в центре духовного образования военнослужащих.

Подытоживая осуществленные выборы и сложившиеся траектории для солдат срочной службы (смена, преемственность и конвертация в парамилитари), отметим, что наши информанты так или иначе оказались успешны в своей поствоенной адаптации: они нашли себя, свое занятие и сами обеспечивают свое существование. Ожидаемо полученное образование скорее связано с восходящей мобильностью, хотя и не всегда напрямую: некоторые получили его, но карьерное продвижение получили в другой сфере, или вовсе бросили учебу, реализовавшись иначе. Наряду с реконструктивной оценкой поворотного момента — призыва и отправкой в Афганистан — описанные выборы представляются скорее сходными с экзистенциальным типом по Г. Элдеру и С. Хитлену. И вне войны и осложненной ею военной службы нужно искать работу и зарабатывать на жизнь, строить семью и поднимать детей. Но фрейм этих нормализованных жизненных задач — опыт войны и транзита, вследствие чего биографическая неопределенность крат-

но осложняет решение этих задач и превращает биографический переход в биографический выбор, для которого требуется больше вовлеченности в социальное действие, больше агентности.

Кадровые военные: преемственная военная идентичность и биографический опыт как результат выбора военного образования и службы

Отдельно рассмотрим траектории кадровых военных. В их случае мы ожидаем более консистентный жизненный путь: они уже включены в военную карьеру, зачастую до отправки на войну имеют за плечами опыт профильного образования и службы, а после войны имеют возможность продолжать службу, при этом также и со сменой деятельности (что, в частности, было подспорьем при получении ранения) — уходя на работу в военное училище, военкомат или аналитический центр. Помимо карьеры, военные обычно оказываются старше призывников, и в связи с этим обладают еще одним ресурсом поддержки — у них уже есть семья.

Война для кадрового офицера — это карьерная возможность, командировка, часть профессионального трека. Кадровые военные в принципе более готовы к войне: они прошли специфическую военную социализацию, получая профильное военное образование.

Военный человек происходит от слова «война», то есть нас готовят к войне. Мы должны быть готовы к войне, а война может быть любая. (Инф. 1, кадровый военный)

Тем не менее и перед военными встает вопрос о выборе занятости после войны, хотя и не так остро, как для солдата срочной службы. Помимо этого, у военных есть иной поворотный момент, снова заставляющий совершать выбор, — уход в отставку и планирование дальнейшей занятости.

Мы отметили, что военные располагают эксклюзивными возможностями продолжения своей карьеры после войны, в частности, несколько меняя род занятий. При этом они опираются на опыт своих коллег и товарищей по службе — те подсказывают им нюансы, необходимые для того, чтобы остаться, или советуют переход в конкретную деятельность (звучит в военное училище по своему примеру).

Тем не менее нормативная преемственная траектория претерпела изменения по причине наложения внешних политических и социальных обстоятельств — страна в перестройку разительно менялась. По возвращении с войны двое остались в штабе, но сменили род деятельности. Для одного из них внешние обстоятельства (развал СССР) привели к отставке, для другого реорганизация армии на фоне 1990-х годов и трудности карьерного роста — к решению уволиться.

При нормативной траектории информанта отставка сопровождается военной пенсией, а также может включать инициативы в сообществе или ветеранском музее. В других случаях за отставкой следует переход на новую работу, зачастую не связанную с военной тематикой напрямую (заместитель директора в газете, аналитик, инженер по охране труда и т. д.).

Совсем в стороне оказывается траектория офицера, после участия в войне сменившего деятельность. Он изначально отличается от остальных в нашей выборке — моложе, у него нет семьи, Афганистан — его первая командировка, пер-

вый опыт службы после учебы. На войне он получил ранение, три года провел в госпиталях, и затем перед ним встал выбор: продолжать службу или сменить трек — пойти в институт, заниматься писательством. Возникшая альтернатива в виде писательской карьеры — результат обращения к иным своим интересам и увлечениям. Работы информанта опубликовали в газете, он получил рекомендации, советы к поступлению. Решающую роль в выборе сыграло его собственное решение — пойти по писательской стезе, хотя и не без сопротивления значимых других (матери, которая ранее повлияла на его выбор военной карьеры). В отличие от коллег-офицеров, он еще не был связан ответственностью за семью, а потому был более свободен в отношении последующего профессионального выбора:

А я в двадцать лет уже стал военным пенсионером, и это немножко меня освободило... шла пенсия — раз, потом шла стипендия — два, и на первых порах даже родители что-то помогали... В этом плане довольно... счастливо все это... сложилось. (Инф. 4, кадровый военный)

Таким образом, нормативная траектория кадрового военного связывает довоенный, военный и поствоенный этапы. А бывшие военные, покидающие армию по возрасту или в связи со структурными изменениями в армии, находят новые занятия, в том числе с использованием прошлого опыта или связей. В нашей выборке профессиональные военные — выжившие, сохраненные, умалчивающие о ПТСР или алкоголизации, — предъявляют нарратив преемственной и без особых поворотных моментов биографии. Значит ли это, что они не совершали ключевых судьбоносных выборов или их уровень агентности существенно ниже, чем у срочников? На наш взгляд, сам жанр биографического рассказа военного, предъявляемый вовне, не внутри своей профессиональной группы, несет черты нормализации (и в этом ее глубокий смысл³). Но попутным эффектом является и расфокусирование: рассказ функционален для жизни здесь и сейчас (или актуальной Я-концепции демобилизованного). Фраза «я знал, куда иду» отражает социализированную готовность, высокую степень агентности, в рамках которой ситуации, требующие прагматического, по Г. Элдеру и С. Хитлену, выбора, дискурсивно микшируются как запланированные, хотя и трудновыполнимые задачи.

Близкие, их реакция на опыт комбатантов

Личная жизнь комбатантов не в фокусе их рассказа, этот сюжет реже предъявляется, зачастую сдержанно. Сами ветераны могут упоминать трудности, объясняя это последствиями войны, или, напротив, оспаривают подобные объяснения, рассказывая о себе и/или своих товарищах.

Теща ей там все доказывала, разводись, мол, говорит, и так не совсем здоровый был, а сейчас с Афгана придет, этот афганский синдром. Ну а сейчас теща говорит: «Господи! Хоть одной повезло!» (Инф. 12, призыв)

³ Нарративные практики — род психотерапевтической помощи, направленной на выяснение предпочитаемых способов жизни для их последующей имплементации в жизненные сценарии.

Развелись [знакомые]. Ну, она тоже устала: понятно, что это нагрузка такая — мы же аки бешеные. (Инф. 154, призыв)

Ну, это ж не только у афганцев, это, вон, у соседей такая фигня. Потому что пьют — все, изменяют — частично. (Инф. 7, призыв)

В личной жизни ветеранов можно наблюдать обусловленные военным опытом проблемы: «Ну какая может быть личная жизнь, блин, у одноногого там, который прыгает на костылях?» (инф. 6, призыв). Или в режиме ироничного отстранения: «Как мне говорит жена, „хорошо, что у тебя одна нога, а так бы мы не встретились. Ты бы на меня не посмотрел (смех)“» (инф. 10, призыв).

Итак, в личной жизни комбатантов присутствуют те же социально-демографические события, что и у других. Но пережитый военный опыт, неидентифицированный⁴ вовремя ПТСР реконструируют проблематику частной жизни, создают для объяснения и способов (не)совладания с семейными проблемами свой — афганский синдром.

Социально-гражданская идентификация: преемственность, слом, «ремонт»

Вероятно, ситуации слома социальных ожиданий комбатантов (война, перестройка и распад СССР) можно рассматривать как возможные триггеры для переосмысления динамики социально-гражданской идентификации ветеранов, в концептуальном плане это увязано с предложенным в статье понятием биографической неопределенности. Прошлые связи, структурные ожидания, нарабатанная стабильность в биографии нарушаются. Ожидалось, что возникнут реакции ресентимента при нарративизации слома «социального договора». Опрошенные ветераны формулируют отношения с государством в рамках такого договора: сначала государство растит — а потому отправка на войну не ставится под сомнение, это долг: «Оно учило, воспитывало, поэтому имеет право посылать... Мы служили верно, позвали — это закон — мы должны идти вперед» (инф. 9, призыв).

Затем комбатант возвращается с войны, и государство возмещает ему потери, в особенности утраченное здоровье и жизненные шансы. И советское государство отчасти справлялось с этим — предоставляло льготы, материальные пособия, пенсии, социальную поддержку, символическое признание. Но уже российское государство существенно минимизировало и эту поддержку, что вызвало недовольство ветеранов:

Люди рисковали своей жизнью, своим здоровьем, и они как-то должны отличаться» (Инф. 4, кадровый военный)

В то время, когда вот эта фраза «мы вас туда не посылали» — мы, наоборот, чуть ли не зубами грызли. (Инф. 6, призыв)

⁴ Афганский синдром — как ПТСР это нарушения психики в ответ на психотравмирующее событие, проявляется в виде нервного состояния, тревожности, страха, возвращающихся на соматическом уровне травматических переживаний, депрессии, биполярное аффективное расстройство и т. д. По мнению А. Золотаревой, специалиста по психосоматике, ПТСР характерен для около 13% комбатантов. См.: «Военные действия меняют личность человека». Кто помогает ветеранам СВО с ПТСР возвращаться к мирной жизни? // Лента.ру. 2024. 1 марта. URL: <https://lenta.ru/articles/2024/03/01/ptsr/> (дата обращения: 15.04.2024).

Реконструируемые нами в нарративах компоненты ветеранской биографии проявлены через призму трех моделей: «преемственность», «слом» и «ремонт», в каждой из которых своя мера фиксируемого выбора, своя мера проявляемой агентности. Конечно, эти модели негерметичны и неидеальны, а кроме того выборка их контурирует не целиком, но отражает их следы. Поэтому речь идет о частичной преемственности, частичном сломе или «ремонте».

1. *Преемственность.* Информанты этой модели предъявляют опыт нормальной, оцененной ими субъективно как хорошей, успешной жизни с учетом самореализации, материального и социального благополучия. Идеальная преемственность в таком случае — это переход довоенного опыта через опыт службы в Афганистане в поствоенный с нормативно обеспеченными выборами работы, мобильности, строительства частной жизни. В контексте этого определения для солдат-срочников преемственность ограниченная: среди них мы не наблюдаем траектории, внутри которой все три периода оказываются неразрывно связаны, это скорее история кадровых военных. В случае призывников мы наблюдаем преемственность либо довоенного и поствоенного периодов, либо же конвертацию военного опыта в поствоенный.

При этом связь между обозначенными этапами может быть прерывистой и отражать своеобразную претензию на «ремонт». Так, один информант после войны ушел в милицию (конвертация военного опыта), затем выбрал военно-духовное образование, но разочаровался и вновь вернулся к парамилитари профессиональному занятию.

Еще один вариант реализации преемственности — сохранение идейно-ценностной советской идентичности, когда информант ностальгирует по советскому опыту и остается верен «старому порядку». Для него нет границ между бывшими союзными республиками, он воспринимает территориальность условно — ощущает себя человеком советского времени.

Большую преемственность мы ожидаем среди кадровых военных, чей жизненный путь скорее не нарушается, а наполняется войной. В среде профессиональных военных сложившаяся карьера в целом дает возможность оставаться в ее рамках, в отличие от призывных военнослужащих, которые во время перестройки чаще сталкивались с проблемами при трудоустройстве. Показательно, что для военных служба стране (или также встречается и более выразительный вариант — Родине), вероятно, снимает вопрос о смене социально-гражданской идентичности. Так или иначе военный человек служил и служит своему государству, дав присягу, даже если произошли серьезные режимные изменения.

2. *Слом.* В случае слома мы ожидаем радикальную смену идентификации или ее кризис (с возможным открытым концом, без состоявшегося успешного «ремонта»). В данном случае может быть и отказ от опыта прошлого, или же частичная его «перекройка» или переозначивание в рассказе. Один из информантов, вернувшись из Афганистана, имея за плечами строительный техникум, переживая драму не дождавшейся его невесты, неуспех попытки учиться в вузе, на пару лет забрасывает свои планы и связи и работает грузчиком, пока его не привлекают как ветерана сначала в службу охраны правопорядка, а затем предлагают работу на Севере. Период глубокого ресентимента сменился построением карье-

ры и параллельным вовлечением в коммеморативную работу. Модель слома или ее следы соседствуют с положительным образом советского детства (с нормативно похожим образом жизни), легитимацией войны на политическом уровне («помощь соседу в беде», выполнение интернационального долга, пресечение наркотрафика и прочее), на личном уровне (как опыта, жизненного урока и прочего), в рамках «социального договора» — осторожными ламентациями на его выполнение со стороны государства. Слом и вследствие него закрытие горизонта выборов возможны в том числе и в связи с инвалидизацией.

Я не скажу, чтобы было как-то особо тяжело, да, пришлось привыкать, что ты другой теперь уже — бегать не можешь, прыгать и так далее. (Инф. 10, призыв)

3. «Ремонт» — восстановление социально-гражданской ветеранской идентичности. Информанты, реализовавшие смену трека, столкнулись со сломом — из-за ранения и последствий войны они были вынуждены сменить вид деятельности (помимо физических ограничений из-за ранения это также утрата тех возможностей, что были до службы: например, знаний по интересующему направлению или адаптационных ресурсов после участия в боевых действиях). То есть война разбила биографию, не позволяя вернуться в то же состояние, что было накануне.

С другой стороны, такой разрыв в биографии для некоторых респондентов открыл новые выборы, сделал возможным обращение к другим возможностям — интересам, увлечениям довоенного периода. Именно так произошло с молодым офицером, который после ранения радикально изменил свой едва начавшийся трек из-за ранения. «Ремонт» возможен и благодаря установкам, когда взгляд направлен в настоящее и будущее: другой информант явно проговаривает, что «не живет прошлым» и не «ностальгирует», чтобы иметь «энергию двигаться вперед» (инф. 13, призыв).

Перестройка в нарративах информантов не репрезентируется через слом и кризис — скорее это вызов, ее воспринимают и адаптируются к ней (работая и подрабатывая; пробуя себя в новой коммерции, чтобы содержать семью; получая образование) или вовсе игнорируют, погружаясь в личную жизнь и собственные интересы. Если опыт Афгана маркирует респондентов как отличных от других, то опыт перестройки уравнивает всех.

Время пришло... другое, как-то жили, пробовали. Произошло переформатирование и сознания в том числе. Ничего такого катастрофического мы не видели. (Инф. 10, призыв)

За счет моделей слома, преемственности и «ремонта» мы хотим показать репертуар реакций идентификации ветерана на продолжительный переходный период (имея в виду и переход от службы к гражданской жизни, и более широкие перемены, спровоцированные перестройкой). На такой идентификации сказываются как отношения с государством, разочарование в его социальных функциях, так и мера собственной агентности в изменившихся социальных условиях жизни.

Общественная и коммеморативная деятельность

Коммеморация (поддержание памяти) Афганской войны и погибших — практика, образующая сообщество афганских ветеранов [Semenova, 2016].

Самой доступной практикой поддерживать память можно назвать отмечание релевантных дат. Ветераны встречают эти дни зачастую коллективно — собравшись с товарищами у памятника афганцам или съездив на кладбище. Особое внимание получает 15 февраля (день вывода советских войск из Афганистана), официально отмечаемое государством как День памяти о россиянах, исполнявших служебный долг за пределами Отечества. В связи с этим афганцы высказывают возмущение и непонимание:

Нет такого праздника нигде. Его же переименовали. В какой-то... соотечественников, за рубежом, там и хрен поймешь, чего... (Инф. 8, призыв)

В целом это соответствует ранее описанному сопротивлению объединению ветеранов под общим ярлыком ветеранов локальных конфликтов [Николаи, Кобылин, 2017; Semenova, 2016].

Встречи с другими ветеранами войны в Афганистане — актуальная практика для большинства информантов. Ветераны отмечают рост коммуникации с появлением социальных сетей и мессенджеров, позволивших общаться с сослуживцами с разных концов страны. Содержание встреч, видимо, не предполагает углублений в воспоминания о войне:

Друзья встречаются, обо всем говорят. Кому это надо — вспоминать о том там, как было? Это такой тяжелый период в жизни. (Инф. 10, призыв)

Разговоры во время таких встреч преимущественно непринужденные (много анекдотов и баек) [Semenova, 2016] или посвящены будничным темам (в частности, формальные встречи на базе ветеранской организации могут иметь на повестке распределение путевок в санатории). Участвующие в коммеморативных организациях комбатанты видят основную цель своей деятельности как помощь таким же ветеранам. Те, для кого память об Афганистане оказывается важна и полезна, обычно имеют опыт общественной работы, которую мы обозначили как «патриотическую», например, это выступления в школах перед детьми. Как отмечает один из информантов, в первое время (конец 1980-х) это могла быть возможность поделиться информацией, потому что мало кто знал про Афганистан. Позже выступления перед школьниками стали проводиться в рамках патриотических уроков — они готовили детей к предстоящей службе и способствовали реализации и укреплению ветеранской идентичности:

Приглашают вот в школу. Так иногда даже приятно. Придешь, а там тебя слушают школьники. (Инф. 1, кадровый военный)

Стоит отметить, что не все одинаково положительно высказываются о таком опыте. Например, воспитатель кадетского корпуса, ветеран Афганистана, инва-

лид, негативно оценивающий войну как явление, но воспринимающий Афганскую войну как важную часть своей жизни, не приветствует патриотическое воспитание: «Человеком быть надо, а не ветераном и не героем» (инф. 10, призыв).

Участие в коммеморативной деятельности сообществ афганцев дает возможность социальной поддержки, институциональной мобилизации ресурсов и личностной самореализации.

Заключение

В фокусе исследования на концептуальном и эмпирическом уровне — биографический репертуар выборов ветеранов Афганской войны, которые в режиме биографической неопределенности так или иначе меняли свои траектории под влиянием полученного опыта боевых действий. Биографический выбор бывших афганцев концептуализирован в логике В. Хайнца [Heinz, 2001] как специфический, увязанный с военным опытом способ реагирования на жизненные вызовы и использования открывающихся перед комбатантами возможностей в структурно ограниченном поле действия. Их траектории содержат как преемственность с накопленным до периода Афганистана опытом, так и смену ожидаемых событий. Концептуально структуры биографического выбора увязаны с понятием варьирующей агентности как способности к действию, которая вносит различия в тот же опыт — от экзистенциальных до прагматических, идентификационных и планирующих [Hitlin, Elder, 2007]. Опыт Афганской войны как поворотный судьбоносный момент биографии причинно отражается в нарративно донесенной переработке конструкта жизненного пути ветеранов. Варьирующая ресурсность и прагматическая, по Г. Элдеру и С. Хитлену, агентность комбатантов — как призывников, так и кадровых военных, — по-разному позволила им распорядиться наслоенным опытом, образовательными капиталами, кругом сильных и слабых связей, чтобы обеспечить преемственность, «отремонтировать» биографические разрывы за счет осуществляемых выборов. Но есть и те ветераны, кому это не удалось в силу потерь, инвалидизации, непреодоленных биографических разрывов.

Могли ли ветераны боевых действий в Афганистане как социальная группа решить проблемы поствоенной ресоциализации успешнее? Ответ на это вопрос требует контекстуализации: демобилизованные и уволенные в запас возвращались в иную страну и переживали наряду с собственными трансформациями опыт перестройки, коснувшийся всех граждан страны. Это обстоятельство усложняет проблематизацию адаптации к гражданскому миру и обществу собственно ветеранов Афганской войны.

Проведенное исследование не лишено ограничений: в анализ не включены особые категории комбатантов, такие как афганцы с опытом криминализации в постперестроечное время, женщины-военнослужащие. Также ограничением следует признать методологический фокус на биографических нарративах, хотя не менее интересны и многообещающи методы групповой дискуссии, позволяющие обнаружить групповые представления о пережитом военном опыте, ведущие гранд-нарративы этой социальной группы, опыт которой оказывается востребованным и сегодня.

Список литературы (References)

1. Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979—1989 годы) // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / ред. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 262—281.
Danilova N. (2005) Memorial Version of the Afghan War (1979—1989). In: Gabovich M. (ed.) *Memory of the War 60 Years Later: Russia, Germany, Europe*. Moscow: New Literary Observer. P. 262—281. (In Russ.)
2. Николаи Ф., Кобылин И. Американские trauma studies и пределы их транзитивности в России. Кухонные разговоры с ветеранами локальных конфликтов // Логос. 2017. Т. 27. № 5. С. 115—136.
Nikolai F., Kobylin I. (2017) American Trauma Studies and the Limits of Their Transitivity in Russia. Heart-to-Heart Talks with Veterans of Local Conflicts. *Logos*. Vol. 27. No. 5. P. 115—136. (In Russ.)
3. Образцов И. В. Военная социология в России: история, современное состояние и перспективы // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 91—107.
Obraztsov I. (1998) Military Sociology in Russia: History, Current Situation and Prospects. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 1. No. 3. P. 91—107. (In Russ.)
4. Рождественская Е. Биографический метод в социологии. М.: ИД ВШЭ, 2012.
Rozhdstvenskaya E. (2012) *Biographical Method in Sociology*. Moscow: HSE University Publishing House. (In Russ.)
5. Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сборник статей / сост. С. Ушакин, Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5—44.
Ushakin S. (2009) “We are to Breathe This Pain”? About Trauma, Memory and Communities. In: Ushakin S., Trubina E. (eds.) *Trauma: Points: Collection of Articles*. Moscow: New Literary Observer. P. 5—44. (In Russ.)
6. Angrist J. D. (1998) Estimating the Labor Market Impact of Voluntary Military Service Using Social Security Data on Military Applicants. *Econometrica*. Vol. 66. No. 2. P. 249—288.
7. Battistelli F. (1997) Peacekeeping and the Postmodern Soldier. *Armed Forces & Society*. Vol. 23. No. 3. P. 467—484. <https://doi.org/10.1177/0095327X9702300308>.
8. Bonß W., Zinn J. (2005) Erwartbarkeit, Glück und Vertrauen-Zum Wandel biographischer Sicherheitskonstruktionen in der Moderne. *Soziale Welt*. 56. Jahrg. H. 2/3. S. 183—202.
9. Cieslik M., Pollock G. (2017) *Young People in Risk Society: The Restructuring of Youth Identities and Transitions in Late Modernity*. New York, NY: Routledge.
10. Coletta D., Crosbie T. (2022) Janowitz and Huntington — Better Together: A Response. *Armed Forces & Society*. Vol. 48. No. 3. P. 723—729. <https://doi.org/10.1177/0095327X20988556>.

11. Danilova N. (2007) Veterans' Policy in Russia: A Puzzle of Creation. *The Journal of Power Institutions in Post-soviet Societies*. No. 6/7. <https://doi.org/10.4000/pipss.873>.
12. Dickstein B. D., Vogt D. S., Handa S., Litz B. T. (2010) Targeting Self-Stigma in Returning Military Personnel and Veterans: A Review of Intervention Strategies. *Military Psychology*. Vol. 22. No. 2. P. 224—236. <https://doi.org/10.1080/08995600903417399>.
13. Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. (2003) The Emergence and Development of Life Course Theory. In: Mortimer J. T., Shanahan M. J. (eds.) *Handbook of the Life Course*. Handbooks of Sociology and Social Research. New York, NY: Springer. P. 3—19. https://doi.org/10.1007/978-0-306-48247-2_1.
14. Evans K. (2002) Taking Control of Their Lives? Agency in Young Adult Transitions in England and the New Germany. *Journal of Youth Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 245—269.
15. Franke V. C. (2000) Duty, Honor, Country: The Social Identity of West Point Cadets. *Armed Forces & Society*. Vol. 26. No. 2. P. 175—202. <https://doi.org/10.1177/0095327x0002600202>.
16. Fussell P. (1975) *The Great War and Modern Memory*. New York, NY: Oxford University Press.
17. Gade P. A., Lakhani H., Kimmel M. J. (1991) Military Service: a Good Place to Start? *Military Psychology*. Vol. 3. No. 4. P. 251—267. https://doi.org/10.1207/s15327876mp0304_5.
18. Haaland T. L. (2008) *Small Forces with a Global Outreach. Role Perceptions in the Norwegian Armed Forces after the Cold War*. Doctoral Thesis. Oslo: University of Oslo.
19. Hart R. C., Lancaster S. L. (2017) Identity fusion in U. S. Military Members. *Armed Forces & Society*. Vol. 45. No. 1. P. 45—58. <https://doi.org/10.1177/0095327x17737021>.
20. Heinz W. R. (2001). Work and the Life Course: A Cosmopolitan-Local Perspective. In: Marshall V. W., Heinz W. R., Krüger H., Verma A. (eds.) *Restructuring Work and the Life Course*. Toronto: University of Toronto Press. P. 3—22.
21. Heinz W. R., Krüger H. (2001) Life Course: Innovations and Challenges for Social Research. *Current Sociology*. Vol. 49. No. 2. P. 29—45. <https://doi.org/10.1177/0011392101049002004>.
22. Heinz, W. R. (2009) Youth Transitions in an Age of Uncertainty. In: Furlong A. (Ed.) *Handbook of Youth and Young Adulthood. New Perspectives and Agendas*. London; New York, NY: Routledge. P. 3—13.
23. Higate P. (2001) Theorizing Continuity: From Military to Civilian Life. *Armed Forces & Society*. Vol. 27. No. 3. P. 443—460. <https://doi.org/10.1177/0095327x0102700306>.
24. Higate P., Cameron A. M. (2006) Reflexivity and Researching the Military. *Armed Forces & Society*. Vol. 32. No. 2. P. 219—233. <https://doi.org/10.1177/0095327x05278171>.

25. Higate P. R. (2003) *Military Masculinities: Identity and the State*. Westport, VA: Praeger.
26. Hirsch B. T., Mehay S. L. (2003) Evaluating the Labor Market Performance of Veterans Using a Matched Comparison Group Design. *Journal of Human Resources*. Vol. 38. No. 3. P. 673—700. <https://doi.org/10.3368/jhr.xxxviii.3.673>.
27. Hitlin S., Elder G. (2007) Time, Self, and the Curiously Abstract Concept of Agency. *Sociological Theory*. Vol. 25. No. 2. P. 170—191.
28. Hockey J. (2002) 'Head Down, Bergen on, Mind in Neutral': The Infantry Body. *Journal of Political & Military Sociology*. Vol. 30. No. 1. P. 148—171.
29. Hockey J. (2009). 'Switch on': Sensory Work in the Infantry. *Work, Employment and Society*. Vol. 23. No. 3. P. 477—493. <https://doi.org/10.1177/0950017009337065>.
30. Huntington S. P. (1981) *The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil — Military Relations*. London: Harvard University Press.
31. Hynes S. (1998) *The Soldiers' Tale: Bearing Witness to a Modern War*. New York, NY: Penguin.
32. Janowitz M. (1960) *The Professional Soldier: A Social and Political Portrait*. Glencoe, IL: The Free Press.
33. Karner T. X. (1998) Engendering Violent Men: Oral Histories of Military Masculinity. In: Bowker L. H. (ed.) *Masculinities and Violence*. Beverley Hills, CA: Sage. P. 197—232.
34. Lande B. (2007) Breathing like a Soldier: Culture Incarnate. *The Sociological Review*. Vol. 55. No. 1_suppl. P.95—108. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954x.2007.00695.x>.
35. Leccardi C. (2005). Facing Uncertainty. Temporality and Biographies in the New Century. *Young Nordic Journal of Youth Research*. Vol. 13. No. 2. P. 123—146.
36. Lomsky-Feder E., Ben-Ari E. (eds.) (1999) *The Military and Militarism in Israeli Society*. Albany, NY: State University of New York Press.
37. MacLeish K. T. (2013) *Making war at Fort Hood: Life and Uncertainty in a Military Community*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400846290>.
38. Malešević S. (2010) *The Sociology of War and Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
39. Moskos C. C. (1977) From Institution to Occupation. *Armed Forces & Society*. Vol. 4. No. 1. P. 41—50. <https://doi.org/10.1177/0095327x7700400103>.
40. Nielsen S. C., Liebert H. (2021) The Continuing Relevance of Morris Janowitz's *The Professional Soldier* for the Education of Officers. *Armed Forces & Society*. Vol. 47. No. 4. P. 732—749.
41. Rozhdstvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaja I., Koseła K. (eds.) (2016) *Collective Memories in War*. London; New York, NY: Routledge.

42. Sasson-Levy O. (2007) Individual Bodies, Collective State Interests. *Men and Masculinities*. Vol. 10. No. 3. P. 296—321. <https://doi.org/10.1177/1097184x06287760>.
43. Semenova V. (2016) 'Wounded' Memory and Collective Identity. In: Rozhdestvenskaya E., Semenova V., Tartakovskaja I., Kosela K. (eds.) *Collective Memories in War*. London; New York, NY: Routledge. P. 125—138.
44. Schuetze F. (1983) Biographieforschung und Narratives Interview. *Neue Praxis*. No. 3. P. 283—293. <https://doi.org/10.2307/j.ctvdf09cn.6>
45. Schwarz O. (2017) Cultures of Choice: Towards a Sociology of Choice as a Cultural Phenomenon. *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 3. P. 845—864. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12305>.
46. Segal D. R., Tiggler R. B. (1997) Attitudes of Citizen-Soldiers Toward Military Missions in the Post-Cold War World. *Armed Forces & Society*. Vol. 23. No. 3. P. 373—390. <https://doi.org/10.1177/0095327x9702300304>.
47. Shay J. (1995) *Achilles in Vietnam. Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York, NY: Simon & Schuster.
48. Shay J. (2002) *Odysseus in America: Combat Trauma and the Trials of Homecoming*. New York, NY: Scribner.
49. Smith J. A., Flower P., Larkin M. (2009) *Interpretative Phenomenological Analysis: Theory, Method and Research*. London: Sage.
50. Thornborrow T., Brown A. D. (2009) 'Being Regimented': Aspiration, Discipline and Identity Work in the British Parachute Regiment. *Organization Studies*. Vol. 30. No. 4. P. 355—376. <https://doi.org/10.1177/0170840608101140>.
51. Van Gennep A. (1981) *Les rites de passage. Étude systématique des rites*. Paris: A. et J. Picard.
52. Walker D. (2010) *Narrating Identity: Career Soldiers Anticipating Exit from the British Army*. Doctoral dissertation. Durham: Durham University.
53. Zinn J. O. (2004) Health, Risk and Uncertainty in the Life Course: A Typology of Biographical Certainty Constructions. *Social Theory & Health*. Vol. 2. No. 3. P. 199—221.

Приложение. Выборка исследования

№	Год рождения	Статус службы (срочная/ кадровая)	Годы службы в Афганистане	Звание, род деятельности в Афганистане*	Инвалидность в результате службы**	Нынешняя деятельность/статус	Регион проживания
1	1951	Кадровая	1987—1989	Полковник, пограничник	«Отложенные последствия»	Пенсионер, экскурсовод в афганском музее	Москва
2	1958	Кадровая	1981—1982	Лейтенант	+	Пенсионер	Москва
3	1951	Кадровая	1979	Офицер связи	+	Пенсионер	Центральная Россия
4	1961	Кадровая	1981	Младший офицер	+	Пенсионер МВД, лит. редактор, поэт	Москва
5	1955	Кадровая	1986—1989	Прапорщик	«Общие заболевания»	Пенсионер, член вет. орг., патриотическая работа с учащимися	Южный Урал
6	1966	Срочная	1985—1986	Наводчик-оператор бмп-2, ВДВ	+	Пенсионер	Южный Урал
7	1962	Срочная	1983—1984	Рядовой, сержант, замкомвзвода	–	Директор ветеранского музея	Москва
8	1963	Срочная	1981—1982	Сапер, пулеметчик, ВДВ	–	Руководитель вет. орг.	Москва
9	1961	Срочная	1979—1981	Сержант	+	Пенсионер, предприниматель	Узбекистан
10	1965	Срочная	1984—1985	Стрелок-разведчик	+	Сотрудник детского корпуса	Сибирь
11	1951	Доброволец	1979—1981	Прапорщик	+	Пенсионер, организация вет. мероприятий	Москва
12	1964	Срочная	1984—1987	Мл. сержант, ВДВ	Травма после службы	Пенсионер, зам. Ветер. Орг., экскурсовод в вет. музее	Северо-запад
13	1963	Срочная	1981—1983	Старший сержант	–	видеоблогер, художник	Москва
14	1964	Срочная	1983—1986	Разведчик частей специального назначения, замкомвзвода, пулеметчик	–	Управляющий крупного бюджетного учреждения	Москва
15	1967	Срочная	1986—1987	Рядовой, снайпер, замкомвзвода	+	Управляющий частного охранного предприятия	Москва

№	Год рождения	Статус службы (срочная/кадровая)	Годы службы в Афганистане	Звание, род деятельности в Афганистане*	Инвалидность в результате службы**	Нынешняя деятельность/статус	Регион проживания
16	1960	Срочная	1978—1980	Командир БМД (боевая машина десанта)	+(?)	Пенсионер	Москва
17	1965	Срочная	1984—1986	Сержант, санинструктор, дежурный по заставе	-(?)	Председатель районного совета ветеранов, патриотическая работа с учащимися	Поволжье, Москва

* Фиксировалось со слов информантов, в некоторых случаях информация неполная.

** В целом у многих на сегодняшний день уже есть инвалидность по тем или иным причинам, связанным в том числе с возрастом. По словам информантов, сказываются и отложенные последствия полученных ранений и травм. В данном столбце мы отмечаем наличие инвалидности как от общих проблем со здоровьем, так и прямо («+») или косвенно («отложенные последствия») связанной с полученными ранениями и травмами. В основном в нашей выборке это 2-я и реже 3-я группы инвалидности. В некоторых случаях природа инвалидности осталась не прояснена (отмечено «(?)»).